

60(6A8)
A7

ҚЫРҒЫЛАТӨН ССР АНАУКАҚУА РАКАДЕМИА
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Д. ГУЛИА ИХЪЗ ЗХЫ
АҞСНЫТӨН АБЫЗШӨИ,
Л И Т Е Р А Т У Р Е И,
А Т О У Р Ы Х И Р И Н С Т И Т У Т
АУСУМТАҚУА

დ. გუგიას სახელობის
აფხაზთა ინსტიტუტი,
ლიტერატურისა და
ისტორიის ინსტიტუტი
შ ო მ ა ე ბ ი

ТРУДЫ
АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОРИИ им. Д. И. ГУЛИА

XXXI

ҚЫРҒЫЛАТӨН АНАУКАҚУА РАКАДЕМИА АШВЕУТЫЖУМРТА
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

А. ҚУА

ს მ ბ ე ბ ი — 1960

СУХУМИ

ПОГРЕБЕНИЯ ДОЛЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В АБХАЗИИ И ПРИЛЕГАЮЩЕЙ ЧАСТИ АДЛЕРСКОГО РАЙОНА

Вряд ли какой-либо другой памятник глубокой старины возбуждал и возбуждает до сих пор такой интерес, как дольмены, эти странные сооружения из огромных плит, встречающиеся кое-где в глухих уголках С.-З. Кавказа; они поражали воображение не только путешественников, но и местного населения, что видно из даваемых им названий: «богатырка» или «дом карликов».

К сожалению, еще задолго до развертывания работы научно-исследовательских учреждений в послереволюционное время огромное большинство дольменов подверглось хищническим раскопкам, вызванным корыстными ожиданиями или просто любопытством. Число научно изученных дольменов прямо-таки ничтожно и это послужило серьезным препятствием для разрешения ряда спорных вопросов, которые сейчас возникли в связи с необходимостью выяснить основные черты развития древних обществ С.-З. Кавказа.

За последние двадцать лет были, наконец, найдены места обитания того населения, которое строило дольмены: в Закавказье — Очамчирское селище и Воронцовская пещера, в горной части Прикубанья — укрепленное поселение Мешоко, близ станицы Хадыженской.

Это позволило сейчас выделить особую дольменную культуру, имеющую свои локальные варианты в Абхазии и в западной части Северного Кавказа. К сожалению, многие черты этого общества, в частности его антропологические и этнические особенности, его генетическая связь с существующими сейчас народностями Кавказа, его религиозные представления и обряд погребения, связанный с дольменами, — все эти вопросы, по указанной выше причине (ограбленности дольменов), принадлежат к числу очень спорных и мало изученных.

Даже в тех немногих случаях, когда дольмены раскапывались археологами, эти исследователи не решались с уверенностью восстановить картину погребения; таким запутанным этот вопрос остается и поныне.

В данной статье делается попытка критического пересмотра существующих представлений о способах погребения в дольменах с привлечением новых данных, полученных автором при раскопках дольменов и при раскопке некоторых бездольменных погребений, дающих сходный ритуал захоронения. При этом используется возможность сообщить некоторые новые данные о дольменах, найденных на территории Абхазии в последние годы, и, таким способом, дополнить список дольменов, приведенный в статье Л. И. Лаврова (10).

ДОЛЬМЕНЫ

Дольмены Красной Поляны

Значительное количество дольменов еще недавно имелось в окрестностях с. Красная Поляна, но сейчас они почти полностью разрушены. Приводим сохранившиеся о них сведения.

1) Один дольмен средних размеров находился до 1958 г. между с. Красная Поляна и с. Эстосадок в 1¼ км от Краснополянской турбазы, в 80—100 метрах от дороги, на пологом спуске к р. Мзымте. Снаружи он закрыт до уровня почвы землей. Внутри он вычищен полностью кладочискателями, покровная плита давно отсутствует (таб. I).

2) Непосредственно около дороги, ведущей из с. Красная Поляна на метеорологическую станцию к г. Ачишхо, влево от дороги у выхода ее из с. Красная Поляна в 1948 г. хищниками была раскопана дольменообразная каменная гробница. В отличие от типичных дольменов она имела в плане подковообразную форму, была сложена из небольших, хорошо пригнанных друг к другу и подтесанных изнутри блоков известняка. Вместо круглого отверстия передняя фасадная сторона имела в середине дверь из снимающейся плиты. По рассказам, внутри этого сооружения были найдены человеческие кости, глиняная и стеклянная посуда. Черепки, найденные впоследствии возле входа, позволяют высказать предположение, что постройка относится к бронзовому веку (14).

3) Группа дольменов, ныне исчезнувшая, зафиксирована автором в долине р. Бешенка в 2 км от с. Красная Поляна по дороге к метеостанции на горе Ачишхо. Лесная дорога в этом месте близко подходит к левому берегу р. Бешенки и, делая крутой двойной изгиб, поднимается на пологий склон конуса выноса. В углу второго изгиба, слева от дороги, в кустарнике были обнаружены сильно разрушенные дольмены. Дольмен № 1, лучше сохранившийся, не имел задней стенки. Не было видно и соответствующих желобков в боковых плитах, указывающих на существование задней стенки. От расположенного здесь же дольмена № 3 сохранилась только задняя стенка, если только она не принадлежит дольмену № 1. С обеих сторон эта плита хорошо обработана.

Дольмен № 2 расположен метрах в 100 далее по дороге к метеостанции, вправо от дороги, метрах в 7 от нее. От него сохранилась только передняя плита, шириной 2,30 м, высотой 1,73 м, при толщине 0,37 м. В разрушенной нижней части плиты виден сферический свод отверстия, по-видимому, имевшего ширину около 0,40 м. Другая плита этого дольмена была вытащена грабителями на обочину дороги. Она сохранилась частично и имела в длину 2,51 м и в высоту 1,60 м. Посетив эту местность в 1957 г., я уже не мог найти ни одного из этих дольменов. Очевидно, они были уничтожены при вырубке леса (таб. I).

4) В долине р. Кукерту, правого притока р. Мзымты, по рассказам местных жителей, имеется группа дольменов.

5) Между с. Красная Поляна и с. Медовеевка сохранился один дольмен, взятый на учет в качестве памятника старины и находящийся под охраной Медовеевского сельсовета.

б) Следы разрушенного дольмена были видны в 1953 г. в пойме р. Мзымты у с. Эстосадок, близ сланцевого рудника.

Дольмены с. Псху

1) В 1944 г. мною была обнаружена группа из двух дольменов на среднем течении р. Ришевей (Решевю), недалеко от участка гр. Григория Семенихина. Они не имеют уже кровельных плит. Входные отверстия дольменов ориентированы на восток с небольшим отклонением на север. Пазы в боковых стенках для вставления поперечных стенок сделаны тщательно. По-видимому, крышка также имела соответствующие пазы.

2) О существовании небольших групп дольменов в долине р. Агурипсты и в верховье р. Баул сообщил В. Д. Пачулия.

3) На вершине перевала Доу тропа, ведущая из с. Псху в урочище Двуречье и далее в Сухуми, пересекает плоское днище балки. Если подняться по плоскому дну этой балки немного выше, можно увидеть группу дольменов.

Дольмены Гудаутского района

1) По сообщению А. Л. Лукина, один дольмен имеется в с. Куланурхва.

2) Близ с. Хабью, к которому выходит горная тропа из с. Псху, по сообщению А. Л. Лукина, имеется дольмен очень небольшого размера.

Дольмены Сухумского района

1) Л. И. Лавров в своем списке дольменов под № 1137 указывает дольмен в 0,5 км к западу от школы с. Азанта, в сторону с. Гергемыш. По-видимому, это и есть дольмен с. Сули, раскопанный в 1947 г. Б. А. Куфтиным.

От обычной формы дольменов он отличается, во-первых, своей неправильной трапециевидной формой. Во-вторых, он имеет два входных овальных отверстия, обращенных в противоположные стороны. Одно побольше в передней стенке, другое в задней (таб. II).

В газете «Заря Востока» от 15.V.1947 г. Б. А. Куфтин писал: «В одном из дольменов с. Сули, обладающих стенками толщиной до 0,60 м, обнаружено более двух десятков погребений, среди которых был собран редкий погребальный инвентарь, своеобразно орнаментированная керамика, медные украшения, медные орудия, подвески из клыка кабана и пр.» (9).

Возле этого дольмена имеется еще два каменных сооружения, возможно, имевших такое же функциональное значение. В них дольменные плиты заменены крупными неотесанными обломками известняка, иногда поставленными на ребро. В одном случае они плотно, без промежутков, ограничивают помещение для погребения довольно правильной круглой формы, с выходом к югу, диаметром 2,30 м (таб. II). В другом случае помещение прямоугольной формы, размером 1,40 x 1,80 м. В этом помещении при раскопках Б. А. Куфтина, по рассказам местного населения, были найдены также человеческие кости, но без вещей (таб. II).

2) По сообщению агронома Зураба Джелия в районе с. Чхалта есть 4 группы дольменов.

3) На территории быв. с. Рождественского, близ Цебельды, местными жителями в 1908 г. был раскопан каменный ящик. По моим измерениям, он имел внутренние размеры 2,50 x 0,80 м, толщина плит известняка равнялась 0,20 м. Они хорошо обработаны с внутренней стороны. В 1934 г. местные жители раскопали рядом подобный же ящик меньших размеров, около 1,50 м в длину. Отверстий, подобных дольменным, эти ящики не имеют.

4) В 1 км к с.-в. от с. Шрома, по дороге в с. Верхнее Келасури (быв. Екатериновка), мною была обнаружена передняя стенка дольмена с круглым отверстием. Она, по всей вероятности, и сейчас сохранилась под дерном.

Дольмены Очамчирского района

1) По сообщению жителей с. Атара Абхазская в горах Панавского хребта есть группа дольменов. Эти дольмены, если они действительно здесь существуют, считались бы указывающими южную границу распространения дольменов.

2) При раскопке Очамчирского энеолитического жилища в 1936 г. мною была найдена на восточном холме плита песчаника размером 1,12 x 0,95 м, толщиной 0,12 м. Ниже центра плиты имеется овальное отверстие, размером 0,38 x 0,42 м. По сторонам отверстия имеются изогнутые канавки; принадлежность плиты именно дольмену пока нельзя считать установленной (15).

Архитектура дольменов

Нет нужды доказывать, что в строительстве дольменов, в выработке их общей формы и деталей должны были найти свое отражение и общая идея культа, и содержание похоронного обряда, и уровень производительных сил, в какой-то мере и социальная структура исчезнувшего общества. Поэтому следует остановить свое внимание на архитектуре абхазских дольменов, имея в виду, что полученные выводы в большинстве случаев можно распространить и на дольмены других территорий Кавказа.

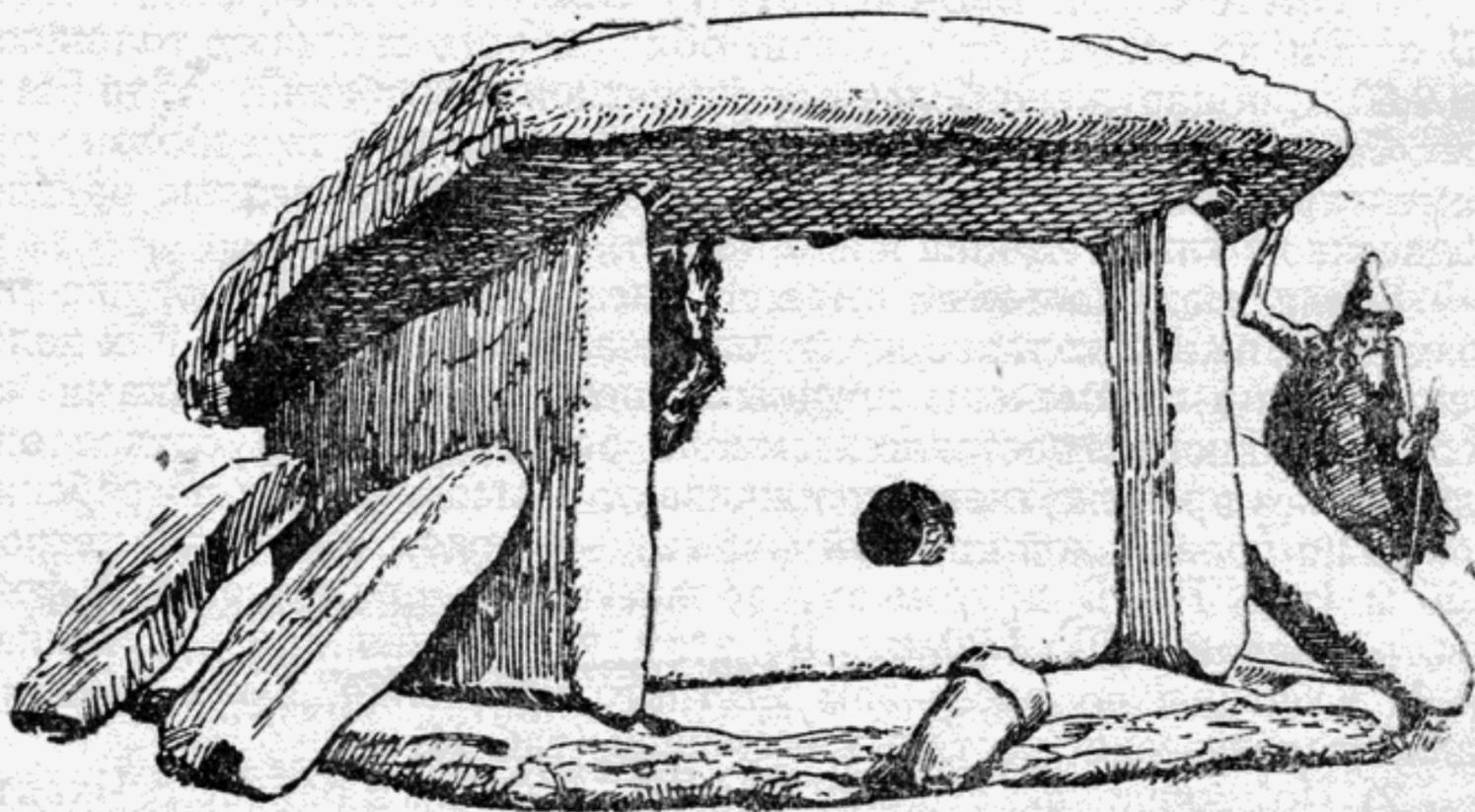

Рис. 1. Реконструкция дольмена № 1 в с. Эшера.

Конечно не случаен был выбор места постройки дольменов. Если они даже расположены на весьма пологом скате, как, например, дольмены селений Красная Поляна, Псху, Азанта, можно заметить, что их фасадная часть с круглым отверстием обращена вниз по склону. По-видимому, уже тогда учитывалось, что накопление делювиального шлейфа угрожает в первую очередь перекрыть нагорную часть сооружения, а противоположная, обращенная вниз по склону, часть дольше будет сохранять над уровнем почвы выходное отверстие дольмена. В большинстве случаев к этому прибавлялись также соображения, связанные с заготовкой и доставкой больших каменных плит и с трудным процессом перекрытия дольменов. В с. с. Эшера и Шрома, на р. Бешенке и пр. позади дольменов начинается более крутой склон, на котором можно добыть такие плиты. Отсюда вырубленные плиты волочили под откос, пользуясь рабочим скотом, катками и рычагами. У подошвы склона на расчищенной земляной площадке вырывались канавки, а в других случаях на поверхности специально положенной большой плиты, иногда составной, вырубались плоские желоба-пазы для установки стенок дольмена, представлявших собою всегда цельные плиты. Как показала моя расчистка дольмена № 1 (1937 г.) в Эшерах, произведенная в 1946 г., сначала ставились боковые стенки. Каждая из них временно, до натаскивания крыши, укреплялась одной или двумя подпорками из прямоугольных, грубо подтесанных каменных блоков. Возможно, что в некоторых случаях вместо этого применялась засыпка землей или закладка камнем. После этого передняя и задняя стенки вставлялись в пазы, выработанные в нижней половой плите и в боковых стенках. Затем у тыльной части дольмена делалась насыпь, подобие «пандуса», по которому тяжелую крышку втаскивали на надлежащее место. Вырубленные заранее в этой крышке пазы позволяли ей плотно сесть на тщательно обработанные верхние ребра плит-стенок. Это, несомненно, была труднейшая операция, т. к. покровная плита была самой тяжелой. Например, в указанном верхнеэшерском дольмене имела вес более 50 тонн.

В большинстве случаев по окончании работ все эти засыпки и подпорки убирались, т. к. дольмены являются сооружениями наземными и абхазские дольмены не имеют над собою курганов.

Характерной чертой как абхазских, так и других дольменов является выступание на фасаде дольмена боковых стенок и крыши, образующей как бы козырек. Возможно, что это вызвано соображениями культа, но можно предложить и другое объяснение. Мы уже указывали, что делювий, движущийся вниз по склону, постепенно заносит дольмены. Чтобы сохранить возможно дольше доступ внутрь через отверстие и устраивались эти защитные выступы. Крыша дольмена всегда поката от фасада назад.

Отделение от породы больших правильных плит, их обработка, вырубание отверстий и пазов вряд ли отличались от техники, применяющейся для обработки камня местными каменотесами. Выбрав подходящую поверхность плитчатого известняка, они наносят контур будущей плиты, по этой линии зубилом делают ряд ямок в камне и забивают туда деревянные клинья. Затем мастер берет молот и начинает по очереди наносить быстрые удары по всем

этим клиньям. Это вызывает отделение правильной плиты. Дальнейшая обработка производится при помощи «бачарды» — кайла с четырехгранным лезвием или при помощи косо поставленного долота с пирамидально заостренным концом. Каждый косой удар оставляет на камне ямочку. Так постепенно техникой пунктуации слой за слоем выкрашивается порода для получения нужной формы. Следы крупной пунктуации носят почти все обработанные части дольменных плит, включая и круглые отверстия. Не довольствуясь этим, они «впритирку» стачивались при помощи крупнозернистых брусков из песчаника.

К сожалению, до сих пор эти орудия обработки, медные или каменные, не обнаружены или не распознаны археологами.

Подобным же образом выделялись из известняка большие тяжелые пробки для затыкания отверстий дольмена. Хорошим образцом является пробка, хранящаяся внутри дольмена № 1, происходящая из другого дольмена, расположенного на участке Мартироса Акопяна. Ее внутренняя рабочая часть очень напоминает по форме притертую пробку к флакону для духов. Но сечение ее приближается к овальному, в точности отвечая форме отверстий дольменов, которые, по нашему наблюдению, никогда не бывают круглыми. Чаще всего встречаются отверстия формы круга, снизу ущербленного горизонтальной хордой, или же отверстие имеет форму овала с более уплощенной нижней стороной. Пробку такой формы легче вытащить из отверстия, постепенно раскачивая ее вверх и вниз. Для удобства вытаскивания пробка, о которой идет речь, имела с внешней стороны ручку, увеличивающую длину предмета до одного метра. Случайно или нет она имеет форму фаллуса (таб. I).

Описанные технические приемы, выработавшиеся веками при строительстве дольменов, имеют, несомненно, общую целенаправленность. Их материал и размеры рассчитаны на вечность. Тщательная выработка пазов для пригонки стенок дольмена, притертые пробки, употребление для стенок цельных плит, все это обеспечивает герметичность сооружения. Едва ли можно сомневаться, что летучим, трудно уловимым содержимым дольменов, по понятиям их строителей, были души погребенных в них покойников. Огромные затраты физического труда, изобретательности и накопление технических знаний, в глазах современников этого строительства, получали свое оправдание, если была достигнута цель: души умерших членов семьи и ее прародителей оставались под опекой живущих и в свою очередь должны были оказывать покровительство этим живущим во всех их предприятиях. В этом суть первобытной религии анимизма, которая и породила на высоких стадиях своего развития эти удивительные памятники.

Обряд погребения в Эшерских дольменах

Единственной хорошо изученной группой дольменов до настоящего времени остается компактная группа, расположенная в с. Верхняя Эшера (быв. Куру-Дере). Впервые она была обнаружена и частично раскопана М. М. Иващенко в 1930 г. (6). Раскопки были продолжены в 1934 г. коллективом археологов М. М. Иващенко, Б. А. Куфтиным и А. Л. Лукиным (8); в 1937 г. экспедицией Абхазского института в составе Б. А. Куфтина, А. Л. Лукина,

Л. Н. Соловьева; в 1955 и 1956 гг. экспедицией Тбилисского государственного университета под руководством О. Джапаридзе (4).

Ввиду того, что материалы раскопок 1937 г., находившиеся у Б. А. Куфтина, не были опубликованы последним при жизни, я считаю уместным, а для цели данной статьи совершенно необходимым, привести здесь данные из своего дневника о раскопке дольмена № 1. Под этим номером на плане расположения Эшерских дольменов, составленном Б. А. Куфтиным (8, стр. 266), значится самый крупный и ближе всего расположенный к дому Карапета Акопяна дольмен (рис. 1).

Помимо обычного круглого отверстия в передней стенке дольмена, заплывшего землей еще в древности, имеются еще два пролома, через которые можно было проникнуть в дольмен. Более значительный из них, шириною около 0,40 м, образован выломкой верхнего юго-западного угла в передней плите. Через него я вел раскопку. В юго-восточном углу дольмена пролом сделан в верхней покровной плите.

До наших работ дольмен № 1 раскапывался уже дважды. При обнаружении в 1930 г. его пробовал раскапывать хозяин участка через юго-восточный пролом. В том же году М. М. Иващенко раскопал до самого пола участок, прилегающий к передней стенке дольмена, полосой, ширина которой была около 0,70 м.

Кроме того, как было установлено раскопкой, некоторые погребения были потревожены при внесении последующих погребений. Все же, наблюдая изменения грунта, заплывшего дольмен, удалось разделить все погребения дольмена и сопровождавший их инвентарь на три основных группы.

Слой Г

Единственным, по-видимому, участком, где сохранился древнейший слой заполнения, который можно было бы приурочить к времени строительства дольмена № 1, это его юго-восточный угол. Когда еще в древности проламывали в этом месте крышку дольмена, отдельные обломки известняка упали внутрь дольмена, прикрыв этот древний слой — коричневую, мелкослоистую, очень плотную глину, лишенную гумуса, обогащенную мелкой морской галькой в нижней части. Этот слой представлял близкую аналогию с нижней частью заполнения дольмена № 3, который одновременно раскапывался А. Л. Лукиным. Там и здесь нижний слой образовался путем отложения мелких глинистых частиц из воды дождевых потоков, проникавшей через пазы дольменных плит. В дольмене № 3 этот слой сохранился почти полностью и содержал много находок. В нашем же дольмене остатки этого слоя содержали лишь несколько предметов, в том числе медный листовидный нож небольшого размера (№ 59 по полевой описи), медный однозубый крюк с втулкой, украшенной текстильным орнаментом (№ 60 полевой описи).

Эти предметы достаточно типичны, чтобы сопоставить их по времени с новосвободинским этапом майкопской культуры (1900—1700 гг. до н. э.).

Опишем эти погребения в порядке их нарастающей глубины

от поверхности плотного могильного грунта дольмена, принятой за нулевую линию. Высота этой поверхности от пола равна 0,70 м.

Погребение № 1 (таб. III). У середины восточной стенки было найдено несколько плоских плит известняка неправильной формы, положенных друг на друга чешуеобразно. На глубине 0,30 м, на верхней из этих плит было расположено скопление человеческих костей. Они лежали без анатомического порядка, за исключением отдельных случаев, давших повод сначала поставить вопрос, не в сидячем ли положении был похоронен покойник: кости таза и крестец сохранили свое первоначальное соотношение, поверх них лежало несколько позвонков и ребер. Но этому предположению противоречили беспорядочно разбросанные по периферии погребения длинные кости конечностей; пяточная кость лежала на уровне таза; две половины нижней челюсти лежали в разных местах; костей черепа вообще не было найдено, так же как и многих других частей скелета.

У длинных костей, лежащих ближе к выходу, найден фрагмент дна сосуда грубой выделки (№ 22) и фрагмент сосуда хорошей выделки, хорошо обожженного (№ 23). Там же найдены мелкие медные бусы, сохранившие свой порядок, как бы нанизанные на нить (№ 17), крупные медные бусы (№ 25), большая бронзовая прорезная «жуковина» (№ 14). Возможно, к погребению № 1 имеют отношение также следующие предметы: украшения в виде двух треугольников, как бы сросшихся вершинами, глубина от 0 линии — 0,08 м, от потолка — 1,45 м (№ 5); то же на глубине 0,30 м от 0 линии и 1,60 м от потолка (№ 15); булава бронзовая, глубина от 0 линии — 0,15 м, от потолка — 1,45 (№ 7); прорезная головка большой булавки (№ 8); бронзовая серьга со спирально заходящими друг за друга концами (№ 9); черепок красножженного сосуда (№ 16). В данном месте высота потолка над каменным полом около 2 м.

Погребение № 2 расположено у середины северной задней стенки на контакте слоя В со слоем Б. В основании погребения на глубине 0,30 м лежала большая плоская плита, перекрытая частично плитой меньшего размера. На этих плитах лежали в беспорядке лишь отдельные кости, принадлежавшие, очевидно, одному скелету. Череп лежал между малой плитой и северной стенкой дольмена. Никаких предметов не было найдено.

Погребение № 3 находилось около южного угла указанной большой плиты на той же глубине — 0,30 м. Это была кучка человеческих костей, главным образом, длинные кости конечностей и остатки черепной крышки. Часть нижней челюсти и плечевая кость лежали у восточной части плиты; анатомического порядка не было; большинство костей скелета отсутствовало.

Погребение № 4 расположено между круглым входным отверстием дольмена и погребением № 1, немного ниже последнего, на глубине 0,35 м от 0 линии. Здесь были положены две плоских плиты, а около них лежало несколько длинных костей конечностей. Никаких предметов около них не было найдено.

Погребение № 5 (таб. III, черт. 5) было расположено у середины восточной стенки, на вымостке из небольших плит, непосредственно ниже погребения № 1. Большая плита известняка, которая

служила основанием для погребения № 1, прикрывала среднюю часть погребения № 5. При этом два черепа (№ 5), поставленные один против другого, не были раздавлены. Под черепами лежали отдельные кости погребения № 5. Среди них отсутствовали мелкие кости; длинные кости конечностей лежали без анатомического порядка вдоль длинной стенки, сохраняя одну общую ориентацию.

Возле кости со следами медной окиси находилась бронзовая булава с большой головкой (№ 24); клык животного (№ 72); бронзовая серьга со спирально заходящими концами (№ 71); обломок окатанной гальки (№ 76); бронзовые бусы (№ 95 и № 97), а также прорезная пронизь (№ 98) и фрагменты глиняного сосуда.

Погребение № 6 (таб. III, черт. 6) находилось у середины северной стенки. На глубине 0,55 м от 0 линии, т. е. ниже погребения № 2, была обнаружена груда обломков известняка, среди которых начали встречаться человеческие кости, расположенные кучками. Выше других, на глубине 0,40 м лежали пачкой длинные кости конечностей, среди которых найдены две круглых бронзовых бусины (№ 64 и № 65). Возле самой стены лежал череп № 1 плохой сохранности. Под ним на 20 см глубже был найден череп № 2 и еще ниже череп № 3; возле него лежала бронзовая булава. Немного глубже и ближе к с.-з. углу дольмена, на глубине 0,55—0,60 м лежали вдоль стенки еще два черепа (№ 4 и № 5). Возле них были найдены бронзовые бусы (№ 84).

Непосредственно под черепом № 4 была найдена кучка длинных костей конечностей в виде пачки. Среди них лежал на высоте 10 см от пола медный кинжал (№ 86), оставивший на костях следы медной окиси. Поблизости от него лежали бронзовые бусы (№ 87) и черепки посуды (№ 88).

В основании кучи камней, связанных с погребением № 6, были найдены следующие предметы: медная пронизь (№ 92) на высоте 0,15 м над каменным полом дольмена, а на самом полу фрагмент глиняной посуды (№ 93) и бронзовые бусы (№ 94).

Инвентарь слоя **В** отличался от предыдущего слоя и имел много своеобразных черт. В виду большого сходства некоторых предметов и их деталей с изделиями колхидской позднебронзовой культуры, можно условно применить к нему название «раннеколхидского» и отнести к эпохе ранней бронзы (1700—1300 гг. до н. э.).

Слой Б

Самым верхним «могильным» накоплением внутри дольмена является суглинок, более ярко окрашенный в бурый цвет, комковатый, средней пластичности, близкий по признакам к лесной почве окружающей местности. В этом суглинке встречаются желваки и обломки кремня, иногда представляющие собою орудия эпохи палеолита, случайно попавшие сюда с поверхности существовавшей здесь когда-то ашельской стоянки. Мощность этого суглинка к ю.-в. углу дольмена уменьшается, а вдоль восточной стенки в могильном грунте была выбрана канавка, по-видимому, при каких-то хищнических раскопках.

Погребение № 7 (таб. III, черт. 7). По удалении этих обломков у центральной части восточной стенки была обнаружена в слое бурого суглинка **Б** кучка человеческих костей, лежавших у

самой стенки. В отличие от описанных раньше погребений, в расположении некоторой части костей можно было установить анатомический порядок: сохранилась связь между всеми позвонками, а также связь последних с тазом. Нормальная связь была между лучевой и локтевой костью одной руки. Прочие кости лежали в беспорядке и не были все в наличии. Сидячее положение здесь исключалось. Можно сделать два предположения: или кости скелета были сдвинуты к стенке дольмена или покойник был похоронен в стадии неполного разложения.

При костях была найдена булавка с головкой в виде диска, украшенного прорезным орнаментом (№ 56).

Погребение № 8. У средней части западной стенки был найден череп и несколько разрозненных костей, без вещей. Возможно, что это погребение относится к слою В.

Погребение № 9. В юго-западном углу, в наплыве бурого суглинки на высоте 0,25 м от 0 линии были найдены человеческие кости, лежащие разрозненно. При костях и немного ниже найден фрагмент бронзовой жуковины и большой бронзовой бусины (№ 4). Непосредственно ниже костей встречались крупные куски известняка.

Захоронение вещей без костей покойника (кенатаф?) было сделано на 0,25 м выше предыдущего погребения. Вдоль передней стенки был положен железный четырехгранный дротик, а еще на 0,25 выше железное копьё с втулкой. Эти предметы могут быть отнесены к эллинистической эпохе.

Слой А

Все древние «могильные» отложения дольмена были перекрыты слоем около 0,10 м темной рыхловатой гумусированной земли, в которой встречались кусочки современного стекла и глиняной посуды, кости домашних животных и пр.

В заключение следует отметить, что в слоях **Б** и **В** кучки человеческих костей часто располагались на плоских обломках известняка, которые, несомненно, для этой цели вносились в дольмен через пробоину в передней стенке. Так как втащить такие обломки в круглое отверстие дольмена невозможно, нужно полагать, что существуют погребения, сделанные вне дольмена, подстилающиеся камнями. Здесь они воспроизводились.

Раскопки Эшерских дольменов, производившиеся на протяжении 25 лет разными лицами, несомненно, способствовали выяснению в туманные, подчас фантастические, построения, создававшиеся вокруг дольменов в прошлом. Все же они пока не разрешили вопроса об обряде погребения в абхазских дольменах. Мнения исследователей идут двумя путями.

М. М. Иващенко, первым открывший и копавший эту группу дольменов, склонялся к мысли, что покойников погребали в углах дольменов в сидячем положении (6, стр. 29). Ту же догадку высказывал в частных беседах и А. Л. Лукин. О. Джапаридзе пишет, что «позы покойников определить не удалось» (4). Б. А. Куфтин предложил два варианта: или Эшерские дольмены представляют собой оссуарии, куда помещались только декарнированные кости покойников, для вторичных погребений, или один или не-

сколько покойников были захоронены в сидячем положении, по углам камеры, а в дальнейшем новыми вкладами разрушалось нормальное расположение костей первых погребений (8, стр. 275).

В других вопросах эти исследователи расходятся меньше. Например, выясняется интересный факт, расходящийся до некоторой степени с фактами, приведенными в статье Л. И. Лаврова, помещенной в этом же сборнике. Каждый из дольменов нашей группы заключал большое количество покойников. Дольмен № 1 (1937 г.), несмотря на то, что копался до моих раскопок два раза, дал еще 9 погребений; в дольмене 2 и 3 (1934 г.) Б. А. Куфтин установил по меньшей мере 25 и 30 погребений. При раскопках О. Джапаридзе в 1955—56 гг. в дольмене № 1 оказалось одних черепов 8 штук, в дольмене № 2 — 20 черепов, в дольмене № 3 — «очень много покойников».

Разновременность погребений единогласно подтверждается всеми исследователями. Особенно хорошо это было выражено в дольмене № 3 (1937 г.), раскопанном А. Л. Лукиным, где кости были расположены линзами на разной высоте в слоистом отложении, накопленном внутри дольмена, благодаря периодическим ливням. В дольмене № 1, тогда же раскопанном мною, четко выделялись могильные горизонты разных эпох: развитого энеолита, эпохи ранней бронзы и эллинистической эпохи.

Исследователи согласно отмечают, что кости и найденные с ними предметы группируются, главным образом, в углах и у стен дольменов, хотя встречаются в достаточно большом количестве и в центральной части камеры. Это могло получаться при сдвигании старых погребений, чтобы очистить место для новых погребений. Но не следует преувеличивать значение этого обстоятельства. В дольмене № 1 (1937 г.), как уже было сказано, были найдены плиты и бесформенные куски известняка, на которых кучками располагались кости покойников. Разумеется, эти плиты с совершенными на них погребениями никуда не сдвигались, о чем говорит и ненарушенная связь бус в погребении № 1 и сохранившийся в ряде случаев контакт между медными предметами и костями, носившими следы окиси меди.

Важным является вопрос, полностью ли попадали в дольмен кости человеческого скелета. О. Джапаридзе отмечает наличие в дольменах преимущественно черепов и длинных костей конечностей. Это подтверждается и моими наблюдениями в дольмене № 1 (1937 г.), где в погребениях № 5 и № 6 длинные кости конечностей были даже положены пачками.

В итоге выясняется, что предположение о наличии в абхазских дольменах погребений в сидячем положении ничем не обосновывается, кроме общего впечатления некоторых исследователей, работавших в тесных и недостаточно освещенных камерах.

Примененный мною в 1937 г. метод зарисовки каждой обнаруженной кости, наряду с только что приведенными соображениями, приводит к предположению, что через круглые отверстия Эшерских дольменов вносился не труп покойника, а лишь разрозненные его кости, только в редких случаях сохранившие анатомическую связь по причине неполного разложения трупа. Первичные погребения

совершались где-то в другом месте и являлись только подготовкой к окончательному захоронению.

Таким образом, из двух вариантов, предложенных Б. А. Куфтиным, надо принять второй, признающий в абхазских дольменах подобие оссуария.

ПОГРЕБЕНИЯ ВНЕ ДОЛЬМЕНОВ

Воронцовская пещера

В 1959 г. при раскопке многослойной стоянки у входа в пещеру мною было найдено погребение. Оно располагалось у самого входа, но в месте, хорошо укрытом от дождя. Кости были размещены на плоском камне и принадлежали одному человеку, глубокому старику. Череп лежал выше других костей, на боку. Остальные кости лежали без всякого анатомического порядка, за исключением, быть может, большой и малой берцовых костей. Не было никакого основания считать, что мы имеем дело с сидячим погребением. Многие кости скелета отсутствовали. Вещей не было.

Погребение найдено на контакте слоев В и Г и может быть, на основании датировки этих слоев, отнесено к позднебронзовому и раннежелезному веку (таб. V, черт. 5).

Адлерский овощной совхоз

В 1957 г. при проведении канала, использующего воды р. Псоу для орошения, был пересечен древнейший береговой вал в том месте, где он ближе всего подходит к шоссе Адлерский совхоз — с. Веселое. В песках вала, на глубине более одного метра был обнаружен человеческий череп и некоторые другие кости, беспорядочно расположенные; череп был прикрыт глиняным горшком, опрокинутым вверх дном.

Сосуд имел довольно тонкие стенки и был сделан из грубозато промешанной глины, землистой с большим количеством пор какого-то выгоревшего органического вещества. Он имел баночную форму и был украшен рельефным орнаментом в виде ряда редко расположенных косых «шпал» в верхней части сосуда. Подобная керамика может быть датирована эпохой энеолита, т. е. рубежом III и II тысячелетий до н. э.

Старые Гагры

В 1933 г. при укреплении фундамента дома, принадлежащего Курортному управлению, находящегося против середины Приморского парка возле магистрального шоссе, была обнаружена небольшая карстовая пещера. На полу стояли и лежали глиняные горшки, на которых уже успел накопиться кальцитовый натек и даже сталагмиты. По сообщению обследовавших находку научного сотрудника А. В. Фадеева и жителя г. Гудауты М. Г. Манилова, в горшках лежали отдельные человеческие кости и каждый горшок был прикрыт человеческим черепом. Один из черепов был, по-видимому, искусственно деформирован. К сожалению, ни один из этих черепов не сохранился. Один горшок попал в Гагрский музей, два горшка, имеющих сталактитовую корку, хранятся до сих пор в Абхазском

государственном музее. Они имеют высокую баночную форму, сделаны из черной плохо промешанной глины, достаточно хорошо обожженной; снаружи и внутри имеют следы сглаживания гребенкой; орнамента не имеют. По этим признакам их можно отнести к концу энеолита и началу бронзовой эпохи, т. е. ко второй четверти II тысячелетия до н. э.

Калдахварский грот

Так мы называем светлый грот с широким входом, хорошо видный с шоссе на мосту через р. Бзыбь, на левом берегу этой реки. В 1940 г. под его северной стенкой, недалеко от входа я заложил небольшой шурф близ уходящей под стенку ниши. На глубине 1¹/₂ м в слое темной гумусированной щебенки были найдены обломки тонкостенного сосуда из серой глины с мелкодробленым кальцитом, имеющего снаружи хорошее лощение. Вместе с ним найдены части человеческого черепа и фаланги человеческих пальцев. Судя по характеру черепков посуды, это погребение, не давшее никаких других костей и каких-либо находок, следует считать вторичным и отнести к концу энеолита и началу бронзовой эпохи.

Навесы Лавинной балки

Непосредственно за Голубым озером, на 13 км Бзыбского шоссе, к р. Бзыбь спускается балка, по которой ежегодно сходят с гор лавины. На углу, образованном этой балкой и левым бортом ущелья р. Бзыби, имеется ряд навесов, постепенно уменьшающихся вниз по реке. Один из самых дальних навесов неоднократно служил местом погребений. В 1952 г. здесь совместно с Н. И. Гумилевским я раскопал много человеческих костей, лежащих без всякого порядка в темном суглинке, покрывавшем пол этого неглубокого навеса. Иногда они были прикрыты плоскими кусками известняка. Черепа отсутствовали. В расположенной рядом глубокой нише также встречались человеческие кости, к которым примешивались и кости животных. В отличие от первого навеса кости здесь были слегка минерализованы и кое-где покрыты коркой сталактита. Здесь в сталагмитовом натеке нами были найдены зацементированные человеческие кости. Они были взяты для исследования. Никаких предметов или черепков посуды здесь не было обнаружено.

Можно предполагать, что здесь, начиная с бронзового века, совершались вторичные захоронения разрозненных костей жившим поблизости населением.

Михайловская пещера

Михайловская или Шромская пещера расположена в 7 км от г. Сухуми, близ дороги на Сухумгэс, которая в этом месте проходит по дну сухого ущелья. Восточный борт ущелья принадлежит горе Каман, а левый горе Ахбюк. Относительная высота г. Ахбюк над дорогой в этом месте около 100 м. Приблизительно на середине крутого склона, в основании заброшенного карьера, видно входное отверстие пещеры. Оно имеет в ширину 1,40 м и в высоту 0,55 м и выходит прямо на склон, не имея площадки (таб. IV, черт. 3). Раньше вход в пещеру был, очевидно, значительно шире и представлял

собою подобие оркестровой раковины шириною около 6 м и высотой около 3 м. Поступавшая с верхней скалистой части склона щебенка, а после рыхлый делювий постепенно засыпали этот вестибюль, нагромождая у входа щебенчатый вал, сторона которого, обращенная вглубь пещеры, имеет угол наклона около 35 градусов.

Проникнув через этот «внешний вход» под низкий свод вестибюля и спустившись по внутреннему склону вала, приходится снова преодолеть узкий лаз, который мы будем в дальнейшем называть «внутренним входом». Лишь тогда начинается собственно пещера.

Для обитания она представляет некоторые удобства и не случайно в 1942 г., расширяя чересчур узкий лаз в пещеру, мне удалось найти на самой поверхности вала-барьера в слое белой щебенки длинную кремневую пластинку с косым резцовым лезвием на конце и несколько кремневых отщепов. Находки можно было отнести к концу верхнего палеолита или к мезолиту.

В 1946 г. я провел небольшие раскопки в указанном светлом вестибюле пещеры для проверки обстоятельств находки здесь человеческих костей. В работе приняли участие директор Абхазского краеведческого музея, на средства которого производились раскопки, Е. Т. Папашвили, лаборант Е. Х. Скорнякова и группа учащихся 4-й средней школы г. Сухуми.

До начала раскопок круто падающий внутрь пол вестибюля был занивелирован; на нем разбита сетка метровых квадратов, которая была зафиксирована на потолке вестибюля углублениями, затертыми красной краской. За нолевую линию была принята проекция на входную площадку линии сталактитов, обрамляющих потолок вестибюля.

После этого началось послойное снятие рыхлых отложений. Сетка квадратов была ориентирована от задней стенки вестибюля к входу по направлению с.-в.—78 градусов. Эту заднюю стенку будем условно называть западной, стенку, где расположен «внешний вход» — восточной. Второй «внутренний вход» в глубокие части пещеры расположен в юго-западном углу вестибюля (таб. IV, черт. 2).

Свою раскопку мы начали расширением «внешнего входа» для лучшего освещения и образованием у этого входа широкой площадки на уровне нолевой линии, в пределах квадратов Е, Д — 2, 3, 4, 5, 6. После от внутреннего края этой площадки, т. е. от границы квадратов Д и Е, был сделан уступ, обращенный внутрь пещеры, имеющий высоту 0,50—0,70 м. В дальнейшем был сделан еще один уступ такой же высоты, от уровня 1—1,20 м, ниже нолевой линии. Это позволило получить хорошее представление об общей стратиграфии наслоений вестибюля, а также дало вертикальные разрезы, которые облегчили послойное изучение найденных погребений.

По прилагаемому разрезу (таб. IV, черт. 1) можно восстановить такую последовательность развития входной части пещеры.

Слой В

В эпоху сурового и резко континентального климата последнего ледникового периода, в результате разницы температур воздуха внутри и вне пещеры, у входа создавалось завихрение, содей-

ствовавшее отслаиванию щебенки с потолка и стен и образованию обширной светлой ниши вестибюля.

Падающая щебенка образовала на полу вестибюля мощную осыпь, далеко проникавшую по наклонному ходу в глубину пещеры и почти закрывшую вход. Заключительный этап накопления осыпи зафиксирован найденной в 1942 г. у входа кремневой пластинкой верхнепалеолитического или мезолитического облика. Надо отметить, что в течение этого холодного времени ущелье значительно расширилось, при этом от края навеса отрывались глыбы, ложившиеся на щебенчатый барьер в наклонном (внутри пещеры) положении (таб. IV, черт. 1).

Слой Б

В течение очень длительного времени после описываемых событий, во время которых вход в пещеру получил свою окончательную форму, здесь не происходило никаких накоплений. Во время климатического оптимума, падающего, как принято считать, на эпоху бронзы, поверх щебенчатой осыпи образовалась гумусированная почва **Б**, лишенная щебенки, указывающая на то, что вся местность была покрыта густым лесом и сползания с вышележащих склонов делювия не происходило. «Внешний вход» в пещеру такой же низкий, каким его застали раскопки, тогда распространялся к югу в виде горизонтальной щели. Гумусированная почва **Б** сползала вниз внутрь вестибюля и делилась здесь на два подгоризонта: верхний **Б₁** и нижний **Б₂**, более светлый, буроватый, с примесью известковой муки, отслоившейся от стенок. В нем много наземных ракушек *Helix* и *Buliminus*. С обоими этими подгоризонтами связаны погребения, о которых дальше будет идти речь.

После накопления слоя **Б** вся нижняя часть горизонтальной щели «наружного входа» оказалась наглухо закрытой, быть может умышленно, чтобы изолировать погребения от внешнего мира. Но снаружи в пещеру стала попадать вода, стекавшая с верхней части склона, обогащенная известью. Поверх слоя **Б** местами отложилась небольшая сталагмитовая корка. Может быть, это указывает на наступление более влажного климата.

Около этого времени или немного раньше произошли какие-то изменения внутри пещеры; возможно, в ее полу, не доходя до зала «часовня», образовался провал и вся щебенчатая осыпь пришла в движение. Часть щебня из южной части вестибюля через вновь открывшийся «внутренний вход» (засыпанный полностью во время накопления щебенки слоя **В**) ушла в глубину пещеры. При этом туда была унесена и часть человеческих костей из разрушенного при этом частично слоя **Б**.

Поступавшая снаружи атмосферная вода, насыщенная известью, как мы уже говорили, образовала сталагмитовую натечную корку поверх этой видоизмененной осыпи и в ней тогда были зацементированы кости человека, получившие при этом добавочную минерализацию. Таким образом получают свое объяснение находки в темных частях пещеры минерализованных костей человека, которые заинтересовали нас своей кажущейся глубокой древностью, что и послужило причиной раскопок.

Слой А

В современную эпоху происходило сильное уничтожение леса, со склонов стало поступать большое количество делювия А, почти окончательно закрывшего вход в пещеру. Это была темно-серая супесь с мелкой известняковой щебенкой и кусочками известняка. В пещеру этот делювий почти не попадал. Там отлагался одновременный ему, но иного происхождения слой А₂. Это темно-бурый комковатый суглинок, легко рассыпающийся, проникнутый белыми выцветами селитры, которые образовались с участием помета домашних животных, загонявшихся в пещеру пастухами. Его толщина не более 10 см.

При расчистке площадки на нулевой линии мы впервые натолкнулись на погребения. Они концентрировались в южной части вестибюля, в квадратах 6 Д, 7 Б, В, Г, Д, т. е. в стороне от основного лаза в пещеру в затемненном углу.

Погребение № 1. В пределах квадратов 6 Д и 6 Г в щебнистом слое В было вырыто для захоронения плоское углубление с плоскими стенками, глубиной около 0,50 м. На дно его были положены два небольших плоских камня. Углубление было заполнено темно-серым прунтом слоя Б, переполненным человеческими костями. Сохранность их была довольно плохая, но все же можно было уверенно установить отсутствие некоторых костей, как, например, черепов и зубов. Кости принадлежали двум взрослым и ребенку и находились в беспорядочном смешении. Сверху кости были покрыты более крупной плитой, размером 0,70 м. В ю.-з. части квадрата 6 Д, заходя под большой камень, лежали черепки небольшого глиняного сосуда. В южной части квадрата 6 Д, на поверхности одного из двух нижних камней, была найдена бронзовая спиральная пронизь (рис. 2₄) и встречались отдельные угольки.

Рис. 2. Предметы из Михайловской пещеры. 1. Подвеска бронзовая височная, 2. Подвеска из клыка, 3. Кольцо с ушком, 4—5. Пронизи медные, 6—8. Бусы бронзовые.

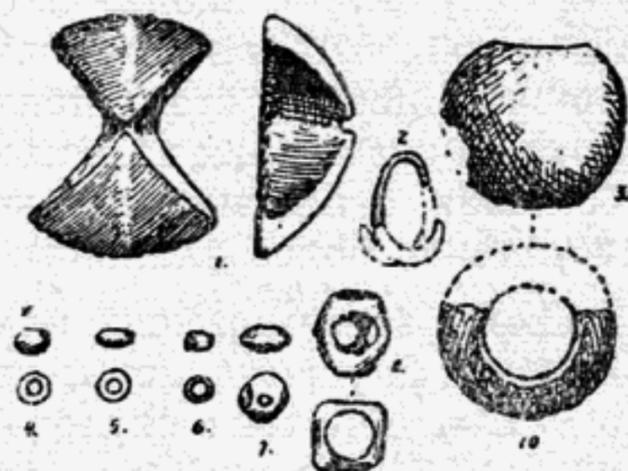

Рис. 3. Предметы из Каманского грота. 1. Бляха из сурьмы, 2. Подвеска бронзовая, 3—8. Бусы медные.

Погребение № 2 (таб. IV, черт. 4) расположено в слое Б₁, на расстоянии 0,50 м к югу от предыдущего, в квадрате 7 Д. Так же как и в предыдущем случае, кости лежали в беспорядке. Они принадлежали трем взрослым субъектам. Далеко не все кости были в наличии, например, отсутствовали черепа. Была найдена лишь одна нижняя челюсть. Возле костей найдено несколько черепков пло-

хо обожженной посуды, бронзовый предмет в виде кольца с небольшим ушком (рис. 2₂), часть предмета из сурьмы (?) в форме треугольников, соединенных вершинами, бронзовые бусы (рис. 2).

Погребение № 4 (таб. IV, черт. 4). Это погребение располагалось в квадрате 7 Г и подобно предыдущему залегало в нижней части гумусированного слоя Б₂. Своеобразие этого погребения заключалось в том, что оно почти полностью состояло из длинных костей конечностей, главным образом, из бедренных костей, принадлежавших, по меньшей мере, шести индивидуумам, из которых один был подростком. Кроме того, здесь находилась челюсть очень старого человека. Кости были положены пучком. Вещей не было.

Погребение № 5 (таб. IV, черт. 4) располагалось рядом с предыдущим, но еще ниже его в южной части квадрата 7 Г. Здесь были похоронены два взрослых и один ребенок. Кости были немногочисленны и в их расположении не наблюдалось порядка. Вещей обнаружено не было.

Погребение № 6. Непосредственно к югу от погребения № 5 (в квадрате 8 Г, на 0,35 м выше были обнаружены длинные кости человеческих конечностей — рук и ног, собранные пучком и засунутые в узкую щель между щебнем слоя В и потолком грота. Они были покрыты коркой сталагмитового натека. Это погребение было оставлено неразобраным в качестве контрольного.

Погребение № 7. Это погребение было найдено на границе квадратов 7 Б и 7 В, т. е. между погребением № 2 и «внутренним входом» вглубь пещеры. Костей здесь было немного. Они принадлежали трем субъектам. Две длинные кости ног лежали так, будто составляли целую ногу, но на деле оказалось, что это две голени, притом принадлежащие разным людям. При костях найдена серьга со спирально заходящими друг за друга концами (рис. 2₁).

Исследованные погребения залегают как бы пятнами на расстоянии в несколько десятков сантиметров друг от друга. Северная часть пещеры для погребений не использовалась. Не исключено, что некоторые погребения выделены нами условно и по сути представляют собой одно пятно костей. В вертикальных разрезах видно, что каждое пятно или линза костей имеет толщину 0,10—0,20 м и нередко эти линзы располагаются друг над другом в слоях Б₁ и Б₂. Замечено, что кости, лежащие в нижнем слое или поблизости от сталагмитовой корки в верхнем слое, имеют лучшую сохранность и, кажется, больше минерализованы. Всем костям свойственна темно-коричневая окраска. Кости слоя Б₁ разложились сильно, так что эпифизы их не всегда сохраняются.

Нет никакого сомнения, что кости покойников приносились в пещеру многократно, в течение длительного времени, пока накапливались слои Б₁ и Б₂. Ни одно погребение не приходится на слой А. Кости клали иногда на плоские плиты, чаще на несколько наклонную вглубь вестибюля плоскость пола. Весьма возможно, что в дальнейшем происходило некоторое сползание к самой низкой точке, которой является «внутренний вход» в пещеру. Однако этим сползанием никоим образом нельзя объяснить явную разрозненность костей. Вряд ли этим объясняется и господствующая ориентация длинных костей конечностей на ю.-з., то есть в сторону «внутреннего входа» в глубокой части пещеры. Большое значение имеет

факт, что в некоторых случаях (погребения №№ 1, 2, 7) две длинные кости ноги положены на продолжении одна другой, хотя и принадлежат разным субъектам. Отсюда следует, что и другие длинные кости раскладывались в каком-то определенном положении, например, были ориентированы на выход.

Из подсчета костей, произведенного нами для определения числа особей, следует, что погребения надо считать коллективными в том особом смысле, что вторичные погребения совершались только тогда, когда в первичном месте погребения набиралось не менее трех покойников. Возможно отсюда заключить, что покой мертвых в пещере старались без нужды не нарушать.

Интересно отметить, что в пещеру не приносились целые головы покойников, а из других костей очень часто не достает костей ног.

Наконец, следует признать, что беспорядочное расположение костей в пещере нельзя объяснить сдвиганием старых погребений в углы пещеры, чтобы освободить место для новых погребений. Для этого в пещере было достаточно свободного пространства.

Каманский грот

Этот грот расположен в 8 км от г. Сухуми, на восточном обрыве горы Каман, составляющей здесь водораздел между бассейном р. Беслетки и мертвой долиной р. Восточной Гумисты, по которой проходит шоссе на Сухумгэс.

В 1939 г. я сделал в гроте небольшой рекогносцировочный шурф размером 4 кв. м и глубиной около 1 м, а в 1940 г. на средства Абхазского государственного музея произвел более значительный раскоп на месте старого шурфа в передней части грота размером 4x4 метра, глубиной 3—4 м.

Грот образовался в верхнемеловых известняках по вертикальной трещине юго-западного направления с падением на с.-з. под углом 70—80 градусов. Он первоначально имел вид карстовой воронки или шахты (таб. V, черт. 1).

Слой К и И

Дно шахты было заполнено отслоившейся от стен щебенкой **К**, а после более тонким отслоем желтовато-бурой глины, к которой в большом количестве примешаны подкатанные кусочки зеленоватого мергеля, накопившегося в свое время на дне воронки. Этот слой **И** лежит с наклоном внутрь пещеры.

Слой Е, Ж, З

Вышележащие слои отложились при совершенно иных условиях. Обвал восточной части г. Каман, нагромоздивший хаос крупных обломков на склоне, оформил существующий отвесный карниз, в верхней части которого и вышла впервые на поверхность внутренняя полость карстовой воронки.

В этот светлый грот заносились листья, вселились кустарники и там образовалась лесная карбонатная почва желто-бурая глина с щебенкой **З**, в верхней части которой накопился слой гумуса **Е**. По-видимому, это был холодный период; благодаря резким тем-

пературным колебаниям со стен все время отщеплялась щебенка, попавшая в нижнюю часть гумуса Ж, а также частично его перекрывшая.

Первое заселение грота человеком относится к времени отложения слоя З. Несмотря на свои небольшие размеры грот представлял некоторые удобства для обитания. Он имел тогда ровный пол, поблизости протекал родник с холодной водой, имелся легкий доступ вниз, в долину ручья, а также вверх на плато горы Каман. К тому же грот представлял собою хорошо укрытое, замаскированное лесом убежище. Еще в начале текущего столетия, по рассказам местного населения, здесь подвизались фальшивомонетчики. В черной сажистой линзе слоя З был найден широкий кремневый отщеп, а в слое Е следы небольшого поселения.

Пока находки, сделанные в черном слое Е, немногочисленны: один кремневый отщеп, черепки посуды, расколотые кости животных. Глиняная посуда изготовлялась от руки и принадлежала двум типам. В большинстве случаев она имела грубый черный черепок с примесью песка, поверхность была сглажена гребенкой и часто украшалась резным орнаментом. Иногда примесь песка заменялась крошкой кальцита. Изредка встречались черепки более тщательно изготовленной посуды из хорошо промешанной красно-бурой глины с лощением по черному фону с орнаментом в виде остроугольных шевронов, процарапанным по высыхающей глине. И тот и другой тип посуды имеет аналогии в известном Очамчирском поселении эпохи развитого энеолита, но, вероятно, несколько древнее его.

После длительного периода накопления слоя Е пещера была оставлена человеком, очевидно, из-за обвала потолка и навеса над входом.

Слой Д

Навал крупных глыб известняка мощностью до двух метров образовал барьер, затруднявший доступ в глубину грота. В этой нижней части слоя изредка встречаются черепки посуды, сделанной от руки. Они легко ломаются меж пальцев, в изломе имеют черный или чаще серый цвет и содержат мелкую белую крошку кальцита. Поверхность их охристо-серая или черная, хорошо оглажена, иногда имеет лощение. Такая посуда нам встречалась в Эшерских дольменах. Здесь же было встречено несколько костей животных. Возможно посуда и кости не указывают на обитание пещеры в это время, а составляют принадлежность погребений или остатки тризны.

Погребения линзами включены в верхнюю глинистую часть слоя Д и, несомненно, являются вторичными. Целые черепа отсутствуют и встречаются только отдельные обломки черепа и отдельные зубы. Каждое погребение, по-видимому, принадлежало одному человеку; большая часть костей скелета отсутствовала. Анатомического порядка в расположении костей не было отмечено. Общее число раскопанных погребений было невелико — 7. В одном случае погребение было перекрыто плоским камнем.

Вместе с костями были найдены следующие мелкие предметы:

- 1) Бронзовые бусы мелкие плосковатые — 3 шт. (рис. 3, 4—6).
- 2) Бронзовая бочкообразная бусина с четырьмя круглыми прорезами сбоку — 1 шт. (рис. 38).

3) Бляха из свинцового сплава (?) нашивная в виде двух треугольников, соединенных вершинами (рис. 3₁).

4) Часть большой медной бусины или жуковины (рис. 3₃).

5) Бусина сердолика (рис. 3₇).

6) Крупный отщеп кремня с белой патиной.

Все эти предметы типичны для эпохи ранней бронзы Абхазии. Подобные предметы найдены во втором снизу слое раскопанного мною Эшерского дольмена № 1 (1937 г.) и в других дольменах. Их можно датировать серединой или второй половиной II тысячелетия до н. э.

Слой Г

Представлен темной гумусированной прослойкой, слегка падающей вглубь грота, где она двойится. В ней найдены следы обитания — черепки посуды ручной работы черной и бурой глины, а также красножженные черепки амфорного типа, например, часть горлышка с ручкой от позднеантичной амфоры. Этот слой можно датировать античным временем. С этим слоем связаны следы погребения подростка, кости его лежали в анатомическом порядке, но плохо сохранились.

Слой В

Слой представляет собою довольно рыхлую супесь с кусочками щебня и белыми пятнами разложившегося известняка и черными пятнами перегноя.

Этот слой датируется небольшим количеством обломков амфор и пифосов с рифленой поверхностью, относящихся к феодальному времени.

Слои А и Б

Это коричнево-серый суглинок с мелкой щебенкой. В ней прослойки золы и помета коз, а в нижней части **Б** темно-коричневый слой перегнившего помета животных. Здесь найдены небольшой железный трезубец и железная ромбическая стрела с черешком. Это современный слой.

Небольшие работы, проведенные в Каманском гроте, подтверждают некоторые выводы, сделанные при раскопке Михайловской пещеры. Здесь мы имеем также вторичные погребения. Они датируются тем же временем — раннебронзовой эпохой. Не исключено, что люди, пользовавшиеся этим гротом для захоронения, принадлежали той же родовой общине.

В отличие от Михайловской пещеры каждое захоронение здесь принадлежит одному покойнику, имеются следы «тризны».

Исследование дало также интересный материал о связи роста пещер с климатическими изменениями. Если принять отслаивание щебенки с потолка и стен пещеры за индикатор холодного континентального климата, то в нашей пещере можно отметить два периода похолодания: один, падающий на эпоху раннего энеолита, — слой **Е** подстилается и накрывается щебенкой и другой, падающий на античное время, — слой **Г** не доходит до слоя **З**. Стенки пещеры заменяются здесь щебенкой. Отсюда мы получаем и датировку этих холодных периодов.

Из описанных выше погребальных обрядов дольменной культуры на территории Абхазии обычай сооружать дольмены не переходит во вторую половину II тысячелетия, хотя еще продолжают делать вторичные погребения в уже существующих дольменах. Наоборот, кувшинные погребения получают дальнейшее развитие и часто употребляются населением колхидской культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа. Погребения такого рода в с. Нижняя Эшера описаны М. М. Иващенко и Б. А. Куфтиным. За последние годы целый ряд таких погребений исследовал М. М. Трапш у с. Красный Маяк.

Приведем в качестве примера описание кувшинного погребения, найденного автором в 1947 г. в с. Красный Маяк близ г. Сухуми. Оно располагалось на западном окончании древнего берегового вала, в 40 м от берега моря. В неглубокой, около 0,80 м, яме были поставлены три сосуда, два из которых содержали отдельные кости покойников, а третий, по-видимому, лишь предметы их захоронения. Все они, очевидно, были специально изготовлены для погребения и отличались небрежной выделкой и очень слабым обжигом.

Сосуд № 1 представлял собою корчагу грушевидной формы, с небольшим плоским дном и вздутым сверху, почти сферическим корпусом. Она имела в высоту 0,48 м, при ширине 0,45 м. Наружная поверхность была сглажена и на ней от плеч до самого низа с некоторыми интервалами сделаны вертикальные ласы. Урна была прикрыта другим сосудом (№ 2), повернутым вверх дном. Он был сформован на куске ткани и имел вид высокой миски конической формы с утолщенным валикообразным венчиком и небольшим дном. Внутри сосуда № 1 были найдены отдельные человеческие кости: верхняя часть черепа с глазницами, длинные кости рук и ног, одна ключица, два зуба. Рядом на том же уровне был поставлен вверх дном сосуд № 4 меньших размеров, высотой 0,34 м и шириной 0,55 м. Он имел почти сферическое тулово, слабо выраженное дно и плавно отогнутый венчик. Поверхность его также была сглажена и орнаментирована вертикальными ласами. Внутри была найдена часть черепа с глазницами и покрытый окисью железный изогнутый прут.

По другую сторону урны № 1 были найдены остатки развалившейся посуды, по-видимому, той же формы и величины. В этом сосуде не было костей, зато в нем находились следующие предметы: бронзовая прямоугольная пряжка типичной для колхидской культуры формы, бронзовая пряжка круглой формы с железным инкрустированным орнаментом, по-видимому, передающим солярный знак, пронизь в виде круглой пуговицы, две дугообразных бронзовых фибулы, грузило из плоской гальки с выщербленными краями.

Вся эта группа сосудов была захоронена в сером песке берегового вала Г, не содержащем никаких культурных остатков. Сверху сосуды перекрывались слоем В мелкой морской гальки, умышленно сюда принесенной и образовавшей когда-то на поверхности берегового вала вымостку диаметров до 20 м. Можно было заметить, что над погребением эта вымостка приподнималась сантиметров на 10, как бы облекая сосуды погребения. Это можно объяснить седиментацией, уплотнением песка, послужившего для засып-

ки могилы. Во всяком случае погребение принадлежало эпохе более ранней, чем галечная вымостка **В**, в которой были найдены одновременные ей ручка и донышко античной амфоры, а также несколько обломков четырехугольных промысловых сосудов с отпечатками на внешних стенках ткани, при помощи которой формовались эти сосуды. Встречались и отдельные орудия, изготовленные из галек. Над галечной вымосткой залегал слой более светлого песка **Б**, навеянного ветром. В нем число текстильной посуды уменьшалось, а число импортной посуды амфорного типа увеличивалось. Здесь были встречены также характерные для раннеантичных греческих поселений керамические грузила пирамидальной формы. Растительный слой **А** имел в своем составе те же культурные остатки, смешанные с современными.

Таким образом, здесь мы имеем довольно полную стратиграфическую колонку и хорошую датировку кувшинного погребения. Несомненно, это захоронение было совершено жившими здесь в эпоху поздней бронзы и раннего железа солеварами, выпаривавшими соль из морской воды. Сосуды, содержавшие погребение, имеют ближайшую аналогию в сопровождающей кухонной посуде очамчирских солеварен того же времени, а дугообразные фибулы достаточно типичны для колхидской культуры и могут быть датированы VIII—VI вв. до н. э. В раннеантичное время поселение солеваров частично распространилось на территорию могильника. Ему соответствуют слои **Б** и **В**.

Сделанный в данной статье обзор погребальных обрядов, применявшихся на территории Абхазии с конца III тысячелетия до н. э., показал, что полного тождества в этих обычаях не было. Можно различить три основных варианта погребения: дольменные, пещерные и кувшинные. Наиболее состоятельные и знатные роды или, вернее, большие семьи хоронили своих покойников в дольменах. Рядовые семьи употребляли в качестве оссуариев большие глиняные сосуды, а там, где поблизости находились подходящие небольшие пещеры или навесы, пользовались ими в качестве оссуариев. Позже кувшинные погребения получили преобладание во всех социальных прослойках общества.

Не трудно установить, что все эти способы захоронения были вариантами одного погребального обряда, обусловленного единым религиозным мировоззрением этого общества.

Общими чертами этих обрядов является, во-первых, стремление, по мере возможности, создать условия герметичности для вечного успокоения, не только для тленных остатков, но и для предполагаемых душ умерших. В качестве наглядного примера можно привести маленькую каменную пробку, обнаруженную нами в восточной боковой стенке дольмена **V**. Здесь была естественная трещина и ее не оставили без внимания строители дольмена; разбуриив отверстие, они тщательно заткнули его пробкой. Это подтверждает наш взгляд на дольмены, как на герметическое хранилище костей и душ умерших членов большой семьи.

Вторая общая черта обряда это применение вторичного окончательного захоронения, которому подвергались очищенные от мяса кости умершего.

Нет нужды гадать, как производилась эта операция удаления мяса, т. к. эта сторона дела исчерпывающе разъяснена сведениями древних авторов о погребениях обитателей Колхидской низменности, включая и Абхазию.

Исходным для античных авторов является сообщение Аполлония Родосского, писателя конца III века до нашей эры (12, стр. 418), который писал: «Еще теперь считается у колхов святотатством предавать огню трупы мужчин; нельзя даже зарывать их в землю и насыпать сверху могильные холмы; их завертывают в недубленные шкуры и вешают на деревья вдали от города... Но и земля получает свое, как и воздух, ибо ей предаются трупы женщин». К XVII веку относятся сообщения итальянцев Джiovани де Лука (13, стр. 493) и Арканджело Ламберти (11, стр. 189—190) о том, что абхазы своих покойников кладут в гроб, выдолбленный из деревянной колоды, и привязывают на дерево с помощью виноградной лозы; на этом же дереве вешают оружие покойника. Об этом же обычае сообщает и турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Абхазию в 1641 г. (1, стр. 178).

Этот странный способ воздушного погребения соединяет в себе обе черты, свойственные дольменному обряду погребения. Он имеет целью обеспечить герметичное хранение телесной оболочки и души умершего и подготавливает вторичное постоянное захоронение. Правда, в приведенных сообщениях о вторичном погребении ничего не говорится, но оно само собою подразумевается. Путешественники говорили лишь о том, что им прежде всего бросилось в глаза.

Некоторые черты древней религии строителей дольменов можно отыскать и в фольклоре, и в еще недавно существовавших обычаях современных абхазов, а также родственных им племен Кавказа.

Всем им, по-видимому, несвойственны разработанные представления о загробном мире. Умершие родственники и даже предки, по их понятиям, никуда далеко не уходят, а живут здесь же рядом своей особой жизнью, но переплетающейся с интересами живущих. Им по определенным дням выделяют «их долю пищи»; от них ожидают умножения стад и умножения рода (3, стр. 84). Болезнь, смерть абхазами воспринималась как кара богов или духов за какую-то провинность и требовала искупительных жертв (17, стр. 35). Следовательно, больной, а тем более умерший, оказываются во власти этого божества или духов; так, например, «все пораженные молнией становятся в глазах абхаза достоянием божества» (17, стр. 55); когда человек погибает в горах, упав со скалы, родственники в своих молитвах просят «владыку этих гор» вернуть им душу (17, стр. 193).

Первейшая забота родственников, таким образом, заключалась в том, чтобы задержать душу умершего в своих руках, на своем попечении. Этим и можно объяснить зашивание умершего в шкуру животных и подвешивание в таком герметическом состоянии на ветки дерева в священной роще, «охранявшейся драконом».

По М. М. Ковалевскому, на Кавказе верят, что после смерти в тело покойника вселяется черт (7). Хоронить тело в землю нельзя, чтобы ее не осквернить. Царевич Вахушти писал о поверии, что когда мертвец (висящий зашитым в кожу на дереве — Л. С.) за-

свистит при помощи дьявола, абхазы верят, что он (т. е. покойник) спасен будет (2, стр. 235). Это суеверие надо объяснить тем, что в конце разложения тела, зашитого в шкуру, там накапливаются газы, которые, пробиваясь через щели бурдюка, производят свист. Это может служить для родственников сигналом снять покойника с дерева и производить вторичные похороны в убеждении, что душа и тело освободились от власти духа и теперь полностью находятся под их опекой. По-видимому, разложение тела, а следовательно, и «освобождение души» наступает по истечении 40 дней, чем и определяется у многих народов дата совершения поминков.

Стремление заполучить в свое распоряжение душу покойника особенно ярко сказывается в обычае «водворения» души погибшего в горах, который Н. С. Джанашиа описывает следующим образом: «Через несколько дней после погребения тела погибшего отправляются торжественной процессией к месту гибели, чтобы найти душу умершего, т. к. предполагается, что, оставшись без телесной оболочки, душа будет бродить, не имея пристанища и ежегодно в день гибели на месте падения будет слышен голос погибшего. Для того, чтобы найти и взять душу погибшего, приносят новый козий бурдюк, вешают на шелковом шнурке у места гибели и играют красивые мелодии на апхярце или на свирели, прося «владыку этих гор» вернуть душу. Когда бурдюк от вошедшего в него воздуха раздуется, это принимается за верный признак того, что душа вошла в бурдюк. Бурдюк перевязывают шнурком, несут на могилу и там, развязав, встряхивают, прося душу соединиться со своим телом».

Подобным же образом происходит вылавливание души утопленника.

Некоторые черты древнего похоронного обряда сохранились у абхазов и черкесов до XIX века для тех случаев, когда человек погибал от удара молнии. Описание такого обычая дает Н. Альбов:

«Когда убьет громом человека или скотину, берут большой медный котел с цепью, серебряный шнурок и лучшего козла из стада и отправляются на ближайшую гору, где собирается народ со всего околка. Там втыкают 4 столба, на них кладут перекладины и все покрывают листьями и окружают со всех сторон серебряным шнурком. Затем режут козла и мясо его кладут на листья. После этого все пляшут круговую пляску, поют, а в заключение творят молитву всевышнему (богу грома Афы. — Л. С.), чтобы он в другой раз их пощадил (17, стр. 56). Плакать не полагается, все должны веселиться, чтобы не разгневать Афы». Более ранний автор С. Т. Званба сообщает по поводу этого обряда: «Тело убитого громом человека остается на вышке в гробу до тех пор, пока не останутся от него одни кости. После этого гроб снимают с вышки и предают с костями земле при обычном обряде погребения и совершают поминки» (5, стр. 68).

Как указывает Г. Ф. Чурсин, эту церемонию проделывают даже с человеком, лишь получившим ранение от молнии, и только после этого уносят его в дом. Очевидно, этот обряд носит искупительный характер, как бы выкупая раненого из владения божества в руки родственников.

Примерно в этом же роде мы должны представлять и картину захоронения в дольмене. Даже такая интересная деталь, как ри-

туальная пляска, находит себе подтверждение в археологических памятниках, правда, находящихся за пределами Абхазии. Изображение танцующих женских фигур встречается в Восточном Крыму на стенах босфорских погребальных склепов раннеантичного времени. В Ю.-В. Крыму у с. Казанки археологом А. А. Щепинским была найдена каменная антропоморфная надгробная стела, в нижней части которой были изображены две танцующие фигурки. Интересно, что этот надгробный памятник стоял на кургане, под которым было сделано захоронение по кавказскому дольменному обряду, с подсыпкой гальки. Отличие заключалось в том, что покойник не был расчленен и лежал в скорченном положении, подобно северо-кавказским погребениям того времени, а вместо каменного дольмена на уровне почвы было сооружено его подобие из деревянных плах (без круглого отверстия). А. А. Щепинский датирует курган временем 1700—1500 гг. до н. э.

Картину обряда погребения в дольменах можно дополнить и на основании наблюдений, сделанных в Михайловской пещере и в Каманском гроте. И там и здесь не было найдено черепов, за исключением отдельных их обломков, а также нескольких зубов. Отсутствовали также некоторые кости ног, не говоря уже о многих мелких костях скелета. С другой стороны, некоторые погребения, как например, в Ст. Гагре, в с. Псоу, Калдахварский грот, можно было назвать погребениями черепов. Напрашивается мысль, что страх перед покойником заставлял разъединять кости скелета и некоторые из них хоронить в другом месте, чтобы лишить покойника возможности передвижения. Наличие в погребениях Михайловской пещеры неполного комплекта костей нескольких покойников можно объяснить тем, что родственники, не желая без особой нужды нарушать покой мертвых, не торопились со вторичным погребением и ожидали когда в месте первичного погребения наберется 3—4 покойника. При этом часть мелких костей терялась. Б. А. Куфтин, указывая на существование подобного же обряда вторичного погребения у мордвы Саратовской губернии, сообщает, что «там существовал обычай общинного, в один определенный день, предания земле всех накопившихся таким образом покойников, каждая семья в свою могилу» (8, стр. 185). Не удивительно, если при этом в могилу попадали отдельные части скелета, еще сохранившие связывающие их сухожилия.

Таким образом, данные археологии и этнографии позволяют во многих чертах конкретизировать обряды, совершавшиеся здесь издавна. Они вносят также многое в понимание конструкции дольменов. Их архитектура во всех своих деталях подчинена основным идеям заупокойного культа, а поскольку подобные черты мы встречаем в строительстве погребальных сооружений далеко за пределами Абхазии и в западной части Северного Кавказа, и в Армении, и в Ленкорани, далее в Индии, Сирии и некоторых других зарубежных странах, имеется основание предполагать, что соответствующие религиозные представления были свойственны и строителям дольменов этих стран.

Разумеется, мы не можем считать, что данный культ и связанное с ним строительство дольменов всюду бытовали в одно время: ведь это зависело оттого, насколько там или здесь созрели про-

изводительные силы и весь строй общества. Очевидно, каждое из этих обществ использовало этот вид надгробных сооружений на определенном этапе своего развития. Эта проблема требует особых исследований, посвященных вопросам возникновения, установления основных центров и путей распространения данных религиозных представлений.

Одну из интересных сторон вопроса составляет существование в рамках общества дольменной культуры С.-З. Кавказа группы, непосредственно связанной со строительством дольменов, искусственным опытом каменотесов, передающих по наследству свою профессию. О существовании другой группы «совершателей погребений» можно заключить из сообщения итальянца Жана де Лука: «У абхазцев существовали специальные священники (13), не имеющие других обязанностей, кроме как хоронить мертвых и заботиться о их душе» (13, стр. 493).

В заключение следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Анализ погребального обряда дольменной культуры и сравнение с существовавшими еще недавно религиозными представлениями и обычаями абхазского народа привели нас к выводу о том, что между ними не существует принципиальных различий. На протяжении около 4.000 лет прослеживаются с чрезвычайной стойкостью одни традиции погребального культа. Хотя в своей основе он не представляет специфической особенности только абхазо-адыгейских племен, встречаясь у мордвы, у народов Сибири и в других местах, а в прошлом на территории всей Колхиды и, частично, в Армении, все же в Абхазии, а вероятнее всего на широкой территории С.-З. Кавказа, в историческое время заселенной абхазо-адыгейскими племенами, этот культ появился раньше и оставался господствующим почти до наших дней.

Отсюда можно сделать вывод, что в этническом составе населения, занимавшего эту территорию с конца III тысячелетия, когда здесь появляется данный культ, и до современной эпохи не происходило коренных изменений. Сменялись, по-видимому, лишь этнические наименования: зихи, гениохи, саниги, абасги и пр., в зависимости от выдвигания в широкое употребление тех или иных терминов.

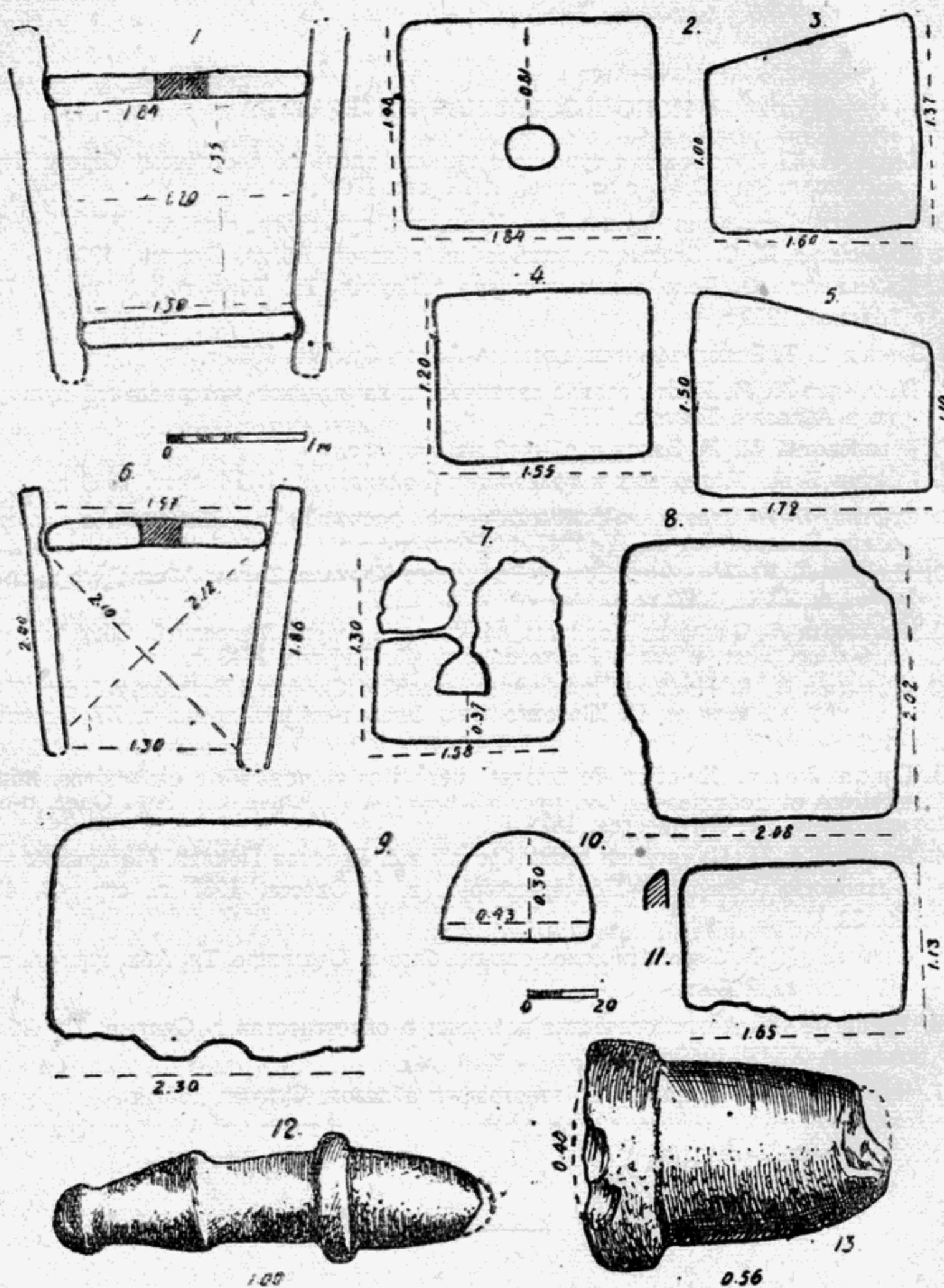
С этим придется считаться при выдвигании различных гипотез о каких-то сравнительно недавних значительных изменениях в составе населения территории Абхазии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Брун Ф. К. Путешествия турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. Зап. Одес. о-ва древ., т. IX, стр. 178.
 2. Вахушти. География Грузии. Зап. Кавк. отд. рус. геогр. о-ва, кн. XXIV, в. 5.
 3. Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии абхазов. Абгиз, Сухуми, 1960 г.
 4. Джапаридзе О. Дольменная культура в Грузии. Тр. Тбил. гос. унив., в. 77. Тбилиси, 1959 г.
 5. Званба С. Т. Этнографические этюды. Абгиз, Сухуми, 1955 г.
 6. Ивашенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935 г.
 7. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе.
 8. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. 1. Тбилиси, 1949 г.
 9. Куфтин Б. А. Статья «Археологические раскопки в Абхазии» в газете «Заря Востока» от 15. V. 1947 г. Тбилиси.
 10. Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. Труды Абхазского института, в. XXXI, 1960 г.
 11. Ламберти А. Описание Колхиды, называемой теперь Мегрелией. Сбор. матер. для опис. мест. и плем. Кавказа, вып. 43. Тифлис, 1913 г.
 12. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. 1, стр. 418. См. русский перевод П. Юрченко. Зап. Одес. о-ва ист. древн. т. XI. Одесса, 1879 г.
 13. Luce Jean. Relation de tatares, peropites et nogajs de circassiens, mingreliens et georgiens. См. русский перевод П. Юрченко. Зап. Одес. о-ва ист. древн., т. XI. Одесса, 1879 г.
 14. Мелихов А. Н. Памятники эпохи бронзы в с. Красная Поляна. Материалы по археологии Северного Причерноморья, в. 1. Одесса, 1957 г., стр. 43, 46, 50, 52.
 15. Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище близ г. Очамчире. Тр. Абх. инстит., в. III. Сухуми, 1939 г.
 16. Трапш М. М. Археологические раскопки в окрестностях г. Сухуми. Тр. Абх. инстит., в. XXIX, 1958 г.
 17. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии абхазов. Сухуми, 1957 г.
-

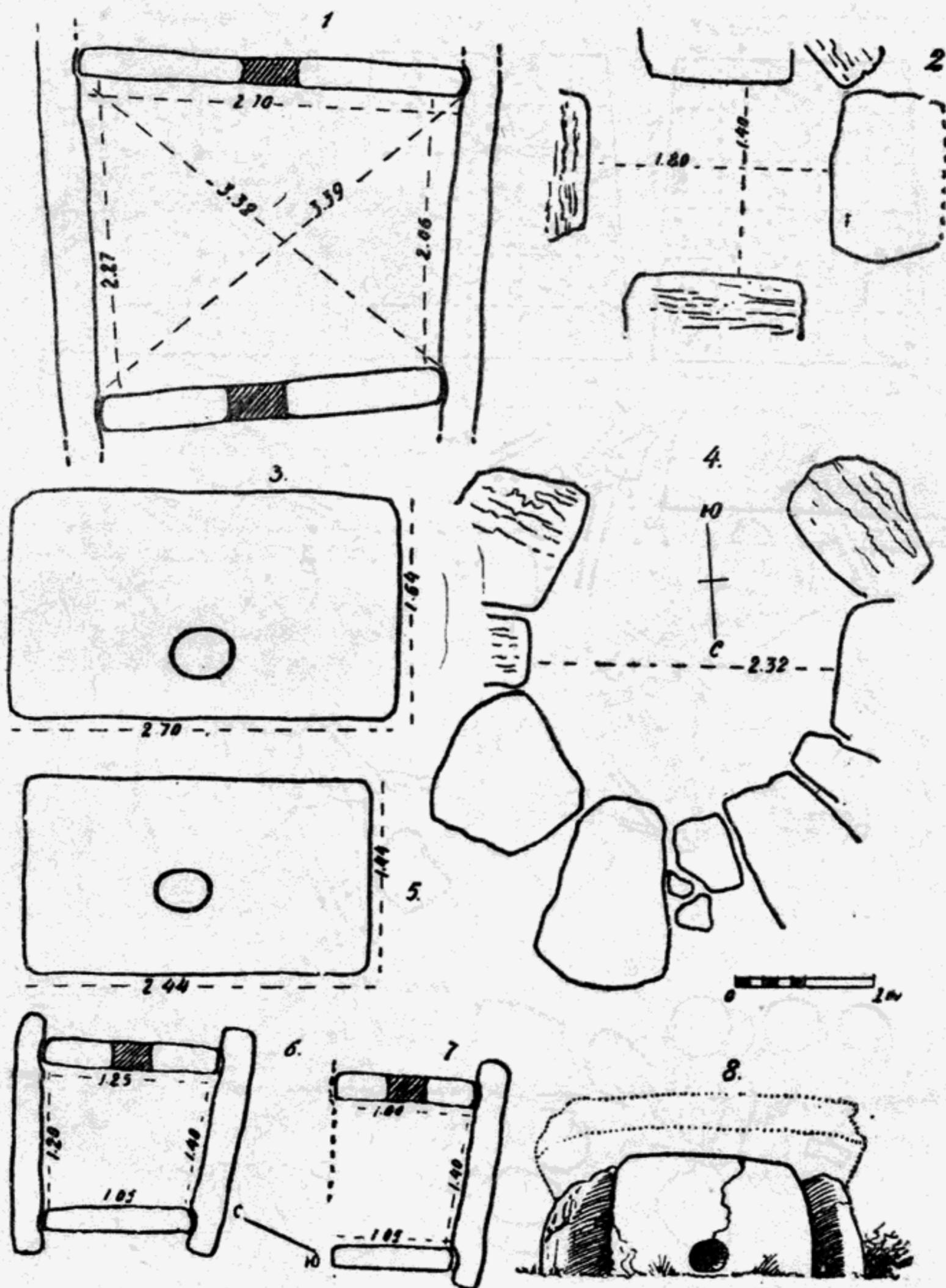
Таб. I

Дольмены Абхазии

1—5. Дольмен на дороге в с. Эстосадок, 6—10. Дольмен № 1 на р. Бешенке, 11. Плита дольмена № 3, 12. Каменная пробка дольмена № 1 в с. Эшера, 13. Каменная пробка одного из эшерских дольменов.

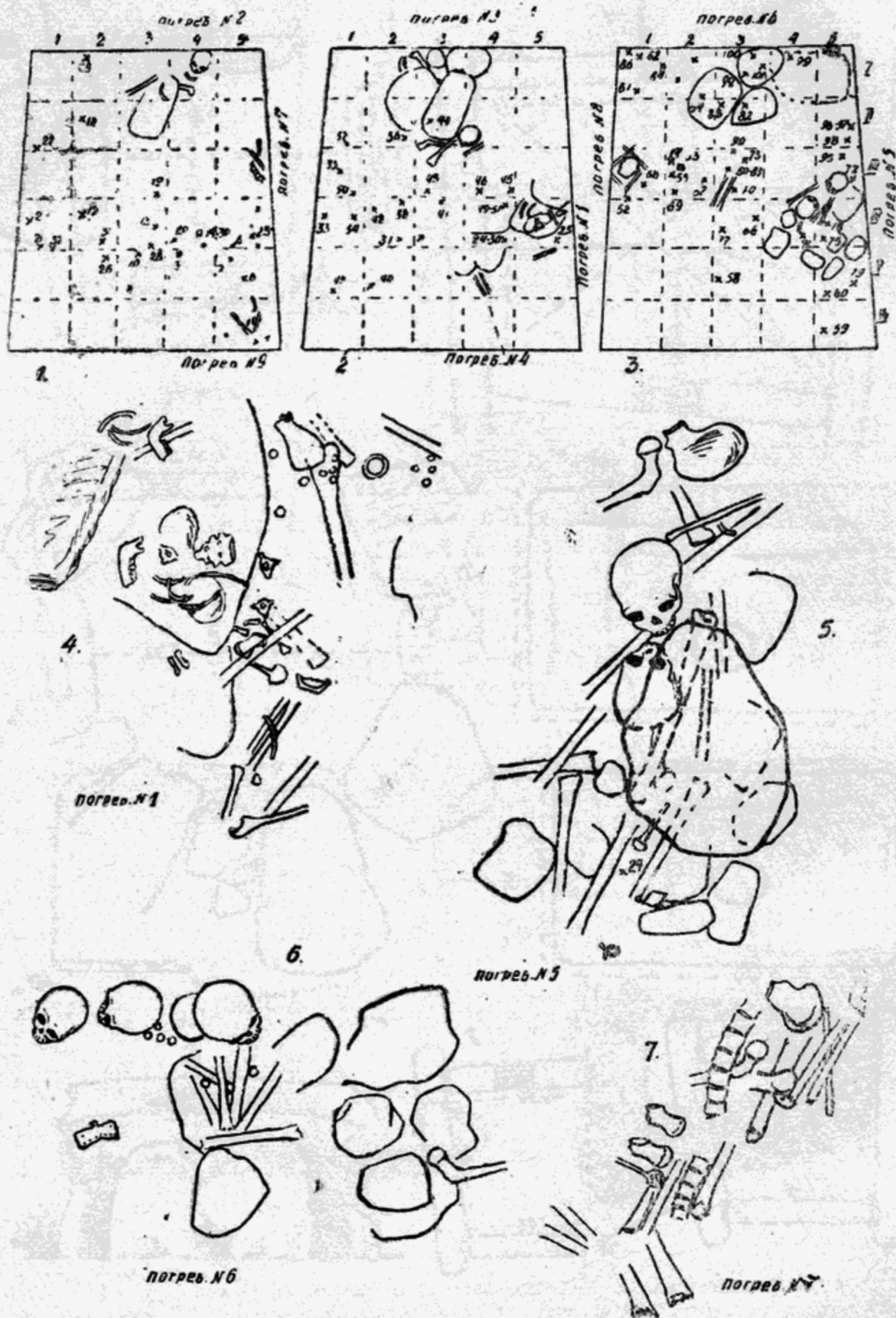
Таб. II
Дольмены Абхазии

1, 3, 5. Дольмен у с. Сули. 2, 4. Каменные погребальные сооружения с. Сули,
6—8. Дольмены хут. Ришевей в с. Пеху.

Табл. III

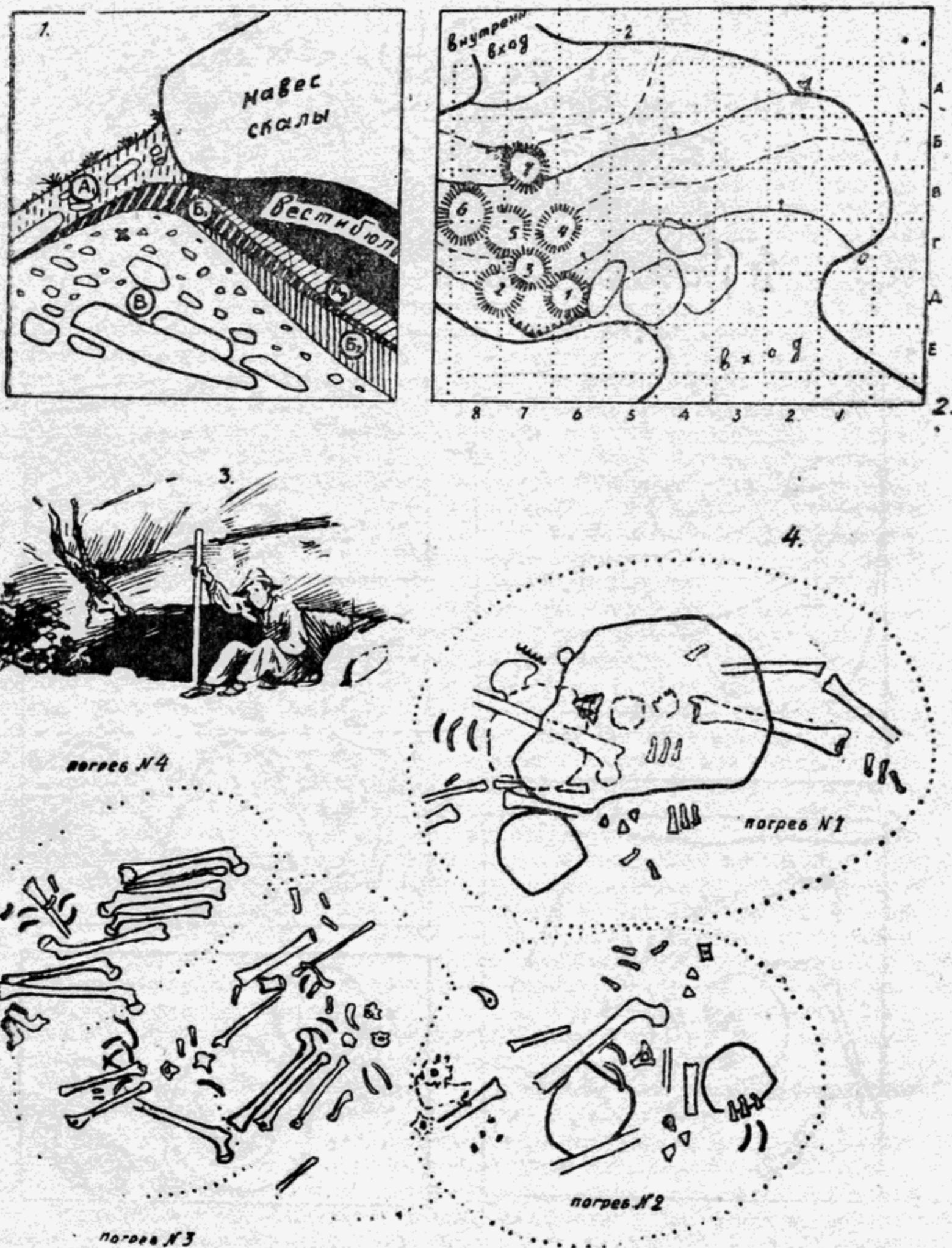
Погребения в дольмене № 1 с. Эшера

1. Расчистка на глубине 0—0,25 м, 2. То же на глубине 0,25—0,50 м,
 3. То же на глубине 0,50—0,70 м, 4. Погребение № 1, 5. Погребение № 5,
 6. Погребение № 6, 7. Погребение № 7.

Таб. IV

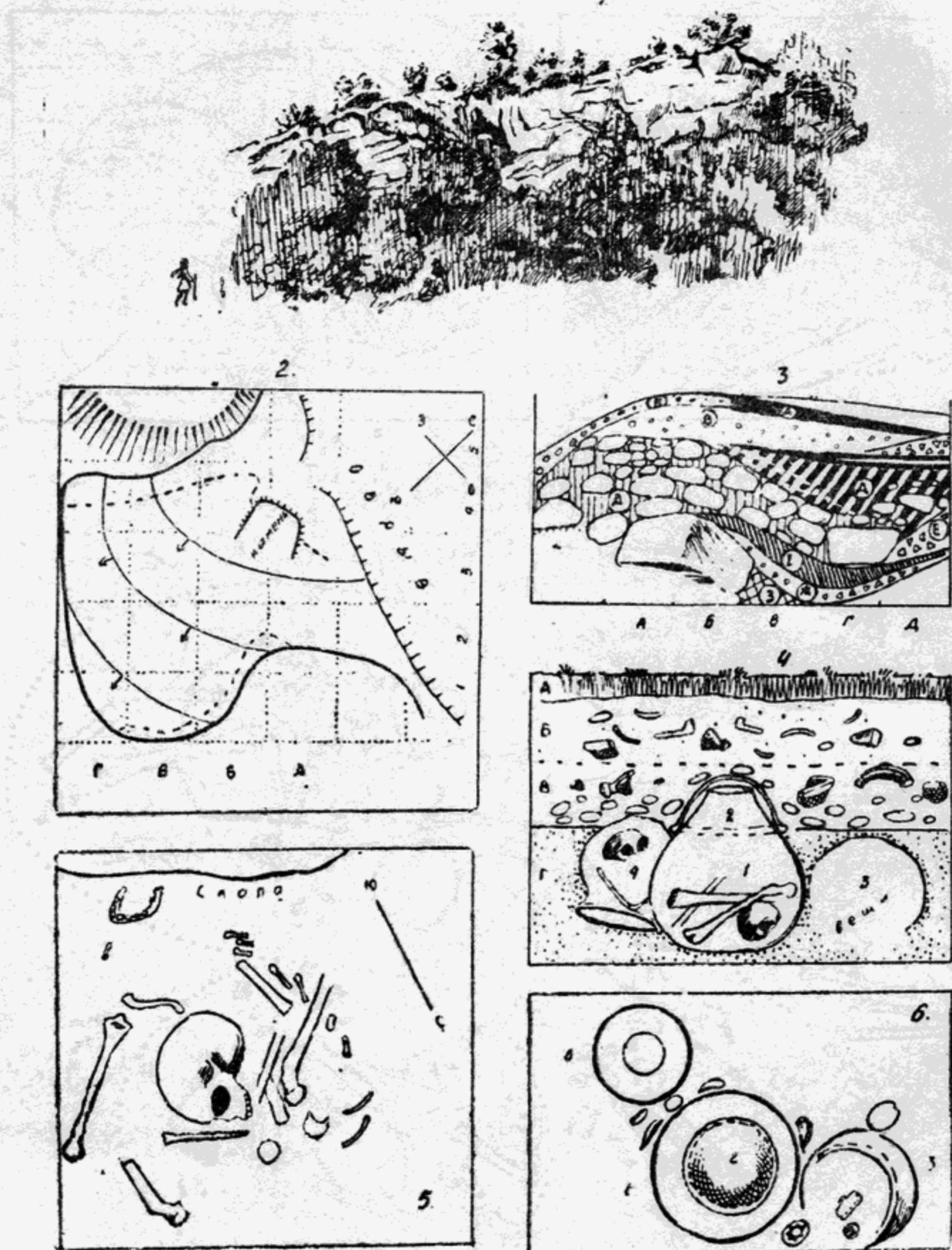
Погребения в Михайловской пещере.

1. Вертикальный разрез входа в пещеру, 2. План раскопки, 3. Вход в пещеру, 4. Погребения №№ 1, 4, 5, 3, 2.

Таб. V

Погребения в Каманском гроте и в с. Красный Маяк

1. Общий вид на Каманский грот, 2. План грота, 3. Вертикальный разрез отложений грота, 4, 6. Кувшинное погребение в с. Красный Маяк, 5. Погребение у 5 входа в Воронцовскую пещеру.